

ЛОРА ФРИДМАН
УИЛЬЯМС

[Свободная]

Свободный, -ая. Располагающий собой
по собственному усмотрению.

ЗНАКОМСТВО, СВИДАНИЯ, СЕКС
И НОВАЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ РАЗВОДА

18+

МИ∞

Оглавление

Вступление.....	9
Глава 1. Как все начиналось	15
Глава 2. Это уже слишком?	21
Глава 3. В поисках мужчины, повсюду	34
Глава 4. Не встречай между хозяином и его собакой	40
Глава 5. Игра в скорбь	50
Глава 6. Вопрос доступности	59
Глава 7. Домашний	66
Глава 8. Объятие не решает проблемы.....	75
Глава 9. Зона комфорта	81
Глава 10. Медведица	85
Глава 11. Спалили	88
Глава 12. Значит, дела плохи.....	97
Глава 13. Единственный выход — идти напролом	110
Глава 14. Почти приехали	119
Глава 15. Переломный момент.....	126
Глава 16. Крошки от печенья	133
Глава 17. В свободном доступе.....	138
Глава 18. Соус «Зеленый Халк».....	147
Глава 19. Нужна помощь	152
Глава 20. Номер четыре (с половиной).....	159
Глава 21. Очередная белая девушка с кудрями.....	165
Глава 22. Отрада моя.....	169

Глава 23. Выход победительницы.	177
Глава 24. Каждые пять минут	184
Глава 25. Горячая картошка	193
Глава 26. Outlook.	200
Глава 27. Интуиция	208
Глава 28. Мужчина постарше.	215
Глава 29. Вечер субботы — ноги вверх!	223
Глава 30. Полигамия	228
Глава 31. Свечи по доллару	231
Глава 32. Эпиляция 2.0	235
Глава 33. Совсем не доброе утро.	240
Глава 34. Проехали.	249
Глава 35. День благодарения	253
Глава 36. Вернуть доверие	258
Глава 37. Испытание малявками.	266
Глава 38. ОТЛ: освободительный тур Лоры	270
Глава 39. Признания	273
Глава 40. Лысые макаки	279
Глава 41. Точка G.	288
Глава 42. Лимонад	291
Глава 43. Маракуйя — плод страсти.	294
Глава 44. Ускользящие презервативы	299
Глава 45. Еще одно признание.	304
Глава 46. Писательство.	306
Глава 47. Авторство	310
Послесловие	314

Вступление

В феврале 2018 года я узнала, что у моего мужа роман с другой. После двадцати семи лет отношений я была убеждена, что мы встретим старость вместе. Представляла, как будем соревноваться, кто первый подержит на руках наших внуков, когда их к нам привезут, как будем вместе читать «Санди таймс», передавая друг другу очки — одни на двоих. У меня и в мыслях не было, что наш брак может оказаться невечным, а подозрений в измене, даже мимолетных, тем более не возникало. Мы любили друг друга искренне и глубоко, и склонность мужа вести себя как рассеянный профессор, казалось, исключала любую возможность неверности с его стороны.

Мы начали встречаться совсем молодыми. Мне только-только исполнилось двадцать, ему через несколько недель после знакомства стукнул двадцать один год. Я еще почти ничего не знала о сексе и свиданиях. Летом перед выпускным классом я и моя лучшая подруга отчаянно старались лишиться девственности. Мне это удалось через несколько недель после нее — на клетчатом раскладном диване в подвале родительского домика в пригороде Нью-Йорка. Я хотела непременно выяснить, что же привлекательного в этом сексе. Почему некоторые знакомые девчонки расхаживают с таким искушенным видом? Парня звали Роб. Он приехал домой на каникулы из художественного колледжа и подрядился водить желтый школьный автобус для лагеря, где я работала вожатой. На мое семнадцатилетие мы отправились в японский ресторан с хибати*. К моменту, когда шеф-повар заканчивал подбрасывать жареные креветки, которые мне предстояло поймать на тарелку, я уже понимала: Роб — тот, кому достанется моя девственность.

Первые несколько раз секс был болезненным и, откровенно говоря, неловким. Странное чувство: в один миг нас охватывала неопишуемая

* Хибати (хибачи) — традиционная японская жаровня. *Прим. ред.*

страсть, а потом Роб кончал, и наши тела прямо-таки сдувались. Может, нужно было как ни в чем не бывало продолжать беседу, будто ничего волшебного и одновременно ужасного не произошло? Обычно довольные, что нас не поймали мои родители, мы впопыхах натягивали одежду, приглаживали волосы — всклокоченные, точно начесы в стиле восьмидесятых, — и расходились.

Вернувшись в город на осенний семестр, Роб снял квартиру — именно здесь я научилась получать от секса удовольствие и не дергаться, что внезапно нагрянут недовольные родители. Мы проводили выходные, кувыряясь в его узкой разворошенной постели и выбираясь из нее с затуманенными взглядами, только чтобы забрать доставку с китайской едой. Наша возня была поспешной, но веселой. Я научилась быстро кончать, чтобы не изнывать, если Роб меня опередит. Этот трюк я проделывала на раз-два и долго считала, что так могут все, — пока из книг и от друзей не узнала, что это не врожденная способность.

В следующем году я уехала на Средний Запад учиться в университете и несколько месяцев спустя рассталась с Робом. Мне не потребовалось много времени, чтобы завязать отношения с Джулианом — он жил в мужском общежитии. Полутораспальная кровать, относительный простор и уединенность комнаты — просто наслаждение, если не считать затхлого пивного душка от постельного белья и парней из студенческого братства, блевавших после ночной вечеринки в туалете напротив.

Через два года мы разбежались, и я, не теряя времени, начала встречаться с Майклом, моим бывшим соседом. У меня никогда не было на него романтических планов, но после ямайского ресторана, в белом «вольво», да еще и под кассету Джеймса Тейлора* он предстал передо мной в новом свете. Майкл поцеловал меня и признался, что времени на девушку у него толком нет — то теннис, то учеба на архитектурном. Я ответила, что ценю свою независимость и много времени не отниму. Дни мы проводили порознь, но как только подходило время сна, я просто пересекала лужайку, разделявшую наши квартиры в кампусе, и ночевала у него. Сосед Майкла уехал в Лондон на целый семестр. К возвращению парня мы успели сломать его деревянную кровать, на которой каждую ночь беспробудно предавались буйному сексу.

* Американский фолк-музыкант 1970-х.

Брак, трое детей, первый поцелуй в его «вольво» — и вот через двадцать семь лет он влюбляется в другую. Узнав об этом, я несколько месяцев только и делала, что пыталась соскрести себя с пола и заниматься детьми, преодолевая их и свои страдания. Гнетущая зима обернулась шумной весной, а та — пышным благоухающим летом. Я почти забыла, каково это — быть дико уверенной в себе, с легкостью смеяться, заботиться о внешности, испытывать удовлетворение и даже радость. Но хотела все вернуть и начала активно выяснять, как это сделать.

Последующие свидания и сексуальный опыт придавали мне сил, кружили голову, волновали и были очень человечными. К среднему возрасту большинство из нас проходит длинный извилистый путь — неудачные отношения, переоценка жизненных целей, разбитые сердца, разлуки, любовь, надежда и одиночества. Все это я видела в себе и в мужчинах, с которыми встречалась. У меня случался секс, от которого я впадала в эйфорию, и секс, от которого чувствовала себя грязной. Секс, который помог раскрыть чувственность, таившуюся во мне большую часть жизни, и секс, который заставил жаждать любви и близости. Секс, который получался неловким и неуклюжим, и секс, вспоминая о котором я поджимала пальцы ног от удовольствия.

Я откровенно рассказывала друзьям о свиданиях и сексе, обо всем без исключения — хорошо, плохо, злом*, — и мне вновь и вновь твердили, что это необычные истории и их нужно записывать. Но мне хотелось не писать о своем опыте, а проживать его. В любом случае я не считала, что в нем есть что-то особенное, чем стоит поделиться. Браки разваливаются постоянно, и люди с этим справляются. Вот и у меня все было старо как мир и банально до неприличия. Но друзья настаивали. Они уверяли, что мои истории — смешные, поучительные и даже вдохновляющие. У каждого были сестры или подруги, которые после развода замкнулись в себе, не хотели никуда выходить и чувствовали себя ущербными и нежеланными. Эти женщины не восприняли свой новообретенный статус с той же бодростью и яростью, как я. Друзья просили встретиться с их сестрами или подругами — подбодрить, объяснить, как я справляюсь, донести до них, что, казалось бы, невозможное — в их руках и вполне им по силам. Мой брат

* Намек на название вестерна Серджо Леоне «Хороший, плохой, злой» (The Good, the Bad and the Ugly). *Прим. ред.*

Мэттью, всегда бывший мне опорой и поддержкой, настаивал: для тебя это станет настоящим катарсисом, обещаю хотя бы на пять минут садиться за компьютер, но ежедневно, даже если будешь просто смотреть в пустой экран.

Хотела бы я похвастаться, что тут же взяла быка за рога и начала уверенно плести словеса о своих рандеву. На деле я, скорее, угрюмо плюхалась перед компьютером потому, что Мэттью меня достал. Выжимала из себя несколько корявых фраз, понятия не имея, как говорить на языке потери, любви и страсти, и пристально следила за часами, пока не истекали обязательные пять минут. Назавтра я повторяла процедуру, удаляя практически все написанное накануне. Постепенно, с каждым днем, неделей, месяцем, мой слог становился все более уверенным и гладким. Фактически я учила незнакомый язык, превращая паутину эмоций в письменную речь. Я старалась оставаться собой без прикрас, но в основном — шутить. У меня накопилось много смешных историй об испытаниях и муках свиданий, и я представляла себе легкую забавную книжицу из тех, что сама, с моим литературным снобизмом, не читаю.

Страниц становилось все больше, но выносить их за пределы узкого круга друзей я не собиралась. У меня были дети, родители и почти что бывший муж, с которым я изо всех сил пыталась мирно делить родительскую роль. Публично делиться своими сексуальными похождениями и самыми сокровенными мыслями? Ужас какой! Я знала, что за созданным мною фасадом скрывается нечто совсем другое, и не понимала, кому это будет интересно и где взять смелость открыться миру. Одной из подруг я сказала, что подумываю бросить писать, но она убедила меня продолжить — хотя бы ради катарсиса.

Я неохотно согласилась. К тому времени я успела полюбить и возненавидеть процесс письма. Прокрастинировала так, будто хотела побить мировой рекорд. И все же меня очаровывало, какими осмысленными и значительными становились мои путаные и затаенные чувства, излитые в словах.

Что ж, я писала, друзья читали и подбадривали меня, и в конце концов книга оформилась. Совсем не такая, как я планировала, — не яркое повествование об одинокой женщине средних лет с тремя детьми, осознавшей свою сексуальную привлекательность. Это более глубокая история о моем открытии: под блаженно тихими

водами супружества неистовствовала женщина, которая жаждала жить по своим правилам. Получился не просто сборник забавных рассказов о моих сексуальных похождениях (хотя их здесь хватает), а, скорее, рассказ о том, как от роли жены и матери я перешла к роли женщины с насыщенной и сложной личной жизнью.

Тем не менее, как и многие женщины, я жду одобрения, и не только от близких, но и от незнакомых людей. Следую правилам и угрожаю другим. А эта, с позволения сказать, книга показала бы меня во всей красе. Обнажила бы желания, непозволительные для дам моего возраста, которым следует воспитывать детей и беречь репутацию. Вскрыла бы все недостатки моего брака, да и мои собственные. Стала бы вызывающим признанием: как же, я осмелилась позаботиться о себе, а не только о детях. И самое непристойное: всем, кто готов слышать, я объявила бы о своем сексуальном любопытстве и чуть ли не ненасытном желании. Нет, выставлять себя напоказ так откровенно — это слишком. Это явно за рамками образа, который я так старательно создавала. Я позвонила той самой подруге, что уговаривала меня не бросать книгу и в итоге стала моим литературным агентом, и попросила ее ничего не делать с этим материалом. Я заморозила проект, над которым трудилась больше года.

В последующие дни я с удивлением обнаружила, что испытываемое разочарование сильнее ожидаемого облегчения. Написанные мною страницы еще искрились женской энергией, но я успешно ее подавляла. Однажды, вернувшись с дружеского ужина, я застала свою маму за чтением — в ту ночь она присматривала за детьми — и тут же во всем ей призналась: в свиданиях, сексе, неудачах, писательстве. Мы с мамой очень близки. Она сильная, состоявшаяся, страстно любящая женщина, но тема сексуальности всегда была для нас неловкой. Когда в мои девятнадцать она поинтересовалась, пользуюсь ли я диафрагмой или «чем-то таким», я уже несколько лет всюю занималась сексом. Покраснев, я кивнула, и на том разговор о контрацепции и чувственной стороне жизни закончился. Сейчас мне было важно, чтобы она поняла: мое недавнее осознание своих сексуальных потребностей все еще вписывалось в «допустимые» рамки отношений между дочерью и матерью. Я ждала ее одобрения — не книги, а моего решения не писать. Ее брезгливое отношение к теме секса должно было подтвердить верность моего решения.

Но моя мама непредсказуема. Со свойственным ей упорством она отказалась соответствовать моим ожиданиям. Я принялась объяснять, что боюсь опозорить ее этой книгой, но она, глядя на меня своими кристально ясными голубыми глазами, произнесла: «Что бы ты ни делала, я никогда не буду тебя стыдиться. Наоборот, всегда буду гордиться». На мою просьбу не читать многочисленные описания секса она согласилась: «Хорошо, не буду. Но если все же прочту, стану жалеть, что не перепробовала все, что попробовала ты». В ответ на мои переживания о том, что дети начнут меня стесняться, она сказала: «Твои дети выносливые, и даже если им станет стыдно, они поймут, что ты живешь по своим правилам, и от этого только станут сильнее». Она не позволила мне соскочить с крючка, не поддержала мое стремление снова спрятаться в коробке, из которой я только что выбралась.

Многие женщины придерживаются устоявшихся представлений о женственности и материнстве до такой степени, что это становится единственным смыслом их жизни. Желания молодости оказываются скрыты за аккуратной облицовкой, которая становится все толще и толще, пока эти самые желания не превращаются в смутные воспоминания о своем внутреннем мире, каким он был до замужества, до детей, до среднего возраста. Но это вовсе не обязательно, и я — живое тому доказательство. Если бы в годы замужества меня спросили, как стану жить, узнав, что муж влюбился в другую, я бы даже не подумала о свиданиях, безудержном сексе и пробуждении той части себя, что раньше казалась ненужной или нежеланной. А ведь именно это со мной и случилось. Пусть мне пообещают вернуть прежнюю жизнь — ни за что не соглашусь. Еще два года назад женщина, которая считала себя сломленной и потерявшей единственную любовь, пришла бы от такого заявления в ужас. Надеюсь, что каждая читательница найдет в себе ту самую, глубоко запрятанную, часть и даст ей шанс проявиться. Открывать дверь страшно, даже очень, но стоит отомкнуть замок, и вы удивитесь — не той, что туда войдет, а той, что из нее выйдет. Именно это и произошло в моей жизни влажной дождливой ночью в июле 2018 года.